

ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА

Фан Ирина Борисовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется трансформация модели национального гражданства под воздействием процессов глобализации, усиления роли различных видов мобильности и индивидуализации, характерных для общества позднего Модерна. Рассматриваются концепции сторонников дискурса мобильности и участников дискуссии о гражданстве.

Ключевые слова:

дискурс мобильности, модель национального гражданства, нация, глобализация, политическое участие.

Дискурс мобильности получил значительное распространение в социологических и политологических исследованиях, посвященных изучению общества позднего Модерна. Ускорение социальной динамики является одним из важнейших признаков современности [6, с. 246]. Под мобильностью понимают «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями» [9, с. 20]. Это требует дополнения концептуального и методологического аппарата для осмысления меняющегося общества. Мобильность оттесняет всякую устойчивость в социальных и политических институтах, связях и отношениях и становится самой сутью современности. Дискурс мобильности с его арсеналом метафор и понятий – «социальные сети», «потоки», «системы мобильностей», «сетевой капитал» – начинает доминировать над дискурсом стабильности и структуры. «Понятие «мобильность» сегодня обрело статус парадигмы или базовой теоретико-методологической установки, на основе которой

выстраивается новая концептуальная модель способа существования общества постиндустриального типа» [7, с. 19].

Действительно, дискурс мобильности позволяет выявить существенные черты общества позднего Модерна. Однако парадигмальный статус данного дискурса и степень его универсальности не очевидны. «...Модерн остается длящимся, незавершенным проектом современности, взятой в ее политическом измерении... Модерн, несмотря на убедительную постмодернистскую критику, остается базовой политической парадигмой для легитимации и описания глобальной политической современности» [4, с. 147]. Парадокс дискурса мобильности Дж. Урри состоит в том, что говоря о подвижности и многочисленных изменениях, он рисует картину социальной структуры. Различные формы и паттерны мобильностей приводятся в движение сетевой структурой социальных связей. Дж. Урри говорит о включенности социальных действий и практик в совокупности мобильностей и си-

стем мобильностей. Фактически в концепции Дж. Урри системы мобильностей выступают в качестве основы социального порядка. Однако в этой картине современного общества почти не уделяется внимания социальному действию. Эту теоретическую ловушку подметил Н. Харламов [9, с. 33]. Между тем остается неясным источник мобильностей, их субъект. Недооценка взаимосвязи устойчивого и изменчивого в социальных процессах приводит к абсолютизации изменчивого – мобильности, которая оборачивается своей противоположностью и превращается в надындивидуальную и бессубъектную структуру.

Нас интересует то, как дискурс мобильности объясняет изменения, происходящие в национальном государстве и национальном гражданстве. Нам приходилось писать о трансформациях гражданства и их отражении в современных политологических концепциях [10]. В данной статье мы рассмотрим, как дискурс мобильности продолжает и развивает дискуссию о гражданстве и каковы научные эффекты сложения двух обсуждений.

Дискуссия о гражданстве, начавшаяся среди исследователей политики в 1980–90-е годы и продолжающаяся до настоящего времени, стала ответом не только на логику развития политической теории. Она была и реакцией на текущие политические события и тенденции: рост миграционных потоков, вызванный глобализацией, усиление роли мигрантов в принимающих обществах, усиливающуюся апатию избирателей, безразличие рядовых граждан к политическому участию, абсентеизм, зависимость населения от государственных социальных пособий, возрождение национализма в Восточной Европе, многорасовость и многокультурность населения в Западной Европе, этническое и религиозное многообразие обществ, размывание традиционной политической культуры гражданского участия, разочарование в глобализации, болезненное ощущение утраты национального суверенитета. Все это требовало переосмысления концепции гражданства. Среди причин распространения кризисных тенденций называли кризис welfare state и модели «социального гражданства», дисфункции представительной демократии. «Подъем тема-

тики «политического гражданства» как серии исторических практик освобождения и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его «триумфа», наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов...» [2, с. 142]. В либерально-демократическом дискурсе тематика гражданства замещала критику капитализма, а в леворадикальных концепциях была формой критики глобального капитализма.

Причины кризиса модели национального гражданства поначалу видели в необходимости совершенствования «базисных структур» общества, в институциональных и процедурных механизмах достижения справедливости – разделении властей, федерализме, парламенте, конституционных правах, политических процедурах принятия политических решений и т. п. Но постепенно интерес сместился к вопросам гражданских добродетелей и гражданского сознания, определенный уровень которых необходим для успешного функционирования политических институтов и механизмов. У. Кимлика пишет: «...я буду рассматривать теории гражданства как важное дополнение, а не как замену теориям справедливости: теории гражданства выявляют добродетели и практики, необходимые для того, чтобы развивать и поддерживать институты и меры государственной политики, отстаиваемые теориями справедливости» [3, с. 365]. Все добродетели демократических граждан концентрируются вокруг понятия «гражданский республиканец», стержень их составляет принцип политического участия гражданина.

Эта дискуссия оттолкнулась от классического понимания национального гражданства Т. Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [5, с. 170]. Этот статус предполагает равенство граждан в правах и обязанностях. Т. Х. Маршалл исследовал эволюцию гражданства в Англии и установил, что становление гражданства (с его эгалитарной установкой) совпадает со становлением капитализма как системы неравенства. По мнению Ю. Хабермаса, именно «национальное самопонимание сформировало тот культурный контекст, в котором из подданных могли получиться политически активные граждане» [11, с. 206]. Форма национального государства стала результатом нахож-

дения нового способа легитимации власти и социальной интеграции общества. Этим способом стала политическая мобилизация граждан как членов нации, использующая принцип демократического участия, который формирует и статус гражданства, и новый уровень солидарности, основанной на праве, и открывает в нации для государства секуляризованный источник легитимации [11, с. 207].

Т.Х. Маршалл в правах гражданства выделял гражданские права, возникшие в Англии в XVIII в., политические права (XIX в.) и социальные права (XX в.). Наиболее полная реализация прав гражданина для него была возможна в либерально-демократическом государстве всеобщего благосостояния. Однако такой вид гражданства сейчас называют «пассивным», «минимальным» или «частным» гражданством, поскольку акцент ставится на пассивные права на обладание чем-либо (и соответствующие обязанности государства) и отсутствие обязанностей гражданина участвовать в общественной и политической жизни. В современных обществах сохраняется такой вид гражданства, но выясняется, что без активного проявления гражданской ответственности и добродетелей, опоры на экономическую инициативу и автономию, на политическое участие, солидарность и ориентацию на общее благо, ослабевают и основные демократические институты. Это сторона носит название «активное гражданство». У. Кимлика приводит цитату У. Гэлстона, где тот обобщает все виды гражданских добродетелей, требуемых для процветающей демократии: «ответственное гражданство требует четырех видов гражданских добродетелей: общих добродетелей – мужества, законопослушности, лояльности; социальных добродетелей – независимости, открытости ума; экономических добродетелей – трудовой этики, способности откладывать на будущее удовольствия, адаптируемости к экономическим и технологическим изменениям; и политических добродетелей – способности распознавать и уважать права других, готовности требовать только того, что может быть оплачено, способности оценивать качество работы властей, готовности участвовать в публичном дискурсе» [3, с. 368]. Эти добродетели являются отличительными для современных плюралистических либеральных

демократий и подчеркивают в них политическую роль граждан.

Глобализация средств сообщения и коммуникаций, финансирования, экономического производства порождает проблемы, например, экологическую или военную угрозы, которые не могут быть решены в рамках национального государства или путем соглашений между суверенными государствами. Происходит ослабление национально-государственного суверенитета, следовательно, все более возрастает необходимость формирования возможностей политического действия на наднациональном уровне [11, с. 199]. У. Кимлика констатирует, что растет число транснациональных организаций и их влияния на жизнь, но они демонстрируют большой «дефицит демократии» и обладают «малой публичной легитимностью в глазах граждан». Однако политической теории транснациональных институтов не создано. Отсутствует и космополитическая теория демократии и гражданства, но необходимость в них становится все более острой [3, с. 401–402].

Дискурс мобильности, включаясь в дискуссию о гражданстве, описывает трансформации модели национального гражданства. Джон Урри пишет: «...различные мобильности фрагментируют национальные общества, способствуя возникновению локальных, региональных, субнациональных, сетевых, диаспорных и глобальных экономик, идентичностей и гражданств» [9, с. 344]. Самыми важными и тревожными следствиями распространения различных видов мобильности является фрагментация и ослабление гражданского общества, нации как основы солидарности и интеграции, являющейся основой легитимации власти и коллективного действия, а также разрушение базы действия принципа политического участия граждан. Из двойного содержания гражданства устраняется его активная часть – способность гражданина к политическому действию во имя общего блага, и остается лишь пассивная сторона, типа потребительского гражданства, которое по сути не отличается от подданства.

Концепция текучей современности З. Баумана также вносит существенный вклад в осмысление происходящего. Автор описывает размывание тесной связи нации и государства,

характерной для прошлого, но отсутствующее в настоящем. Индивид утрачивает чувство уверенности и безопасности, надежда на государственные институты исчезает. «Свобода государственной политики беспрестанно разрушается новыми глобальными силами, имеющими в арсенале ужасное оружие экстерриториальности, скорости передвижения и способности к уклонению/бегству; возмездие за нарушение новых глобальных правил бывает быстрым и беспощадным... отказ вести игру по этим новым глобальным правилам – наиболее жестоко наказуемое преступление, совершения которого власти государства, привязанные к земле их собственным территориально определенным суверенитетом, должны опасаться и избегать любой ценой» [1, с. 199]. Мобильность как существенная характеристика власти глобальных сил меняет качество власти, а «рутинная демонстрация превосходства глобальных сил» (З. Бауман) вновь и вновь утверждает новый «мировой порядок».

Важным аспектом «текучей современности» является постоянная модернизация и процессы развития мобильности и индивидуализации. Современность порождает необходимость иного человека – *homo mobilis* – и в качестве результата социальных сетей и систем мобильности, и в качестве источника, осуществляющего ежедневную комбинацию сетей собственных взаимодействий. Мобильность выступает и как механизм, и как следствие модернизации. Индивидуализация же является одним из проявлений бесконечного процесса модернизации. Содержанием индивидуализации является все большее обособление человека от всякого рода зависимостей. Обратной стороной этого процесса становится разрыв социальной ткани, ощущаемый личностью как невозможность преодолеть одиночество. З. Бауман отмечает две особенности современности: крах иллюзии построить хорошее и справедливое общество и перемещение акцента с дискурса справедливости на дискурс защиты прав человека, то есть на право человека отличаться от других и выбирать собственные модели счастья [1, с. 36–37]. Однако следствием такой индивидуализации и апофеоза права «индивидуального выбора всего» становится то, что бремя автономии

и независимости, ответственности за системные противоречия и риски, вновь и вновь порождает глобальным обществом, ложится исключительно на индивида. Это цена «освобождения» индивида от социального принуждения, надзора и зависимости. В условиях размывания всех форм членства расплывчатыми и неопределенными становятся все формы идентичности человека, в том числе и гражданская. Индивид при наличии юридической автономии обречен на постоянные поиски собственной идентичности во всех остальных смыслах, на бесконечное самоопределение, на нескончаемую мобильность. З. Бауман отмечает еще один парадокс: «...индивидуализация – это судьба, а не предмет выбора. В царстве индивидуальной свободы выбора возможность избежать индивидуализации и отказаться от участия в индивидуализации не предусмотрена» [1, с. 41]. Неоднозначным следствием индивидуализации является «коррозия и постоянный распад гражданства» [1, с. 44]. Так, индивидуум становится «врагом» гражданина, поскольку он все более ориентируется на частное, а не общее благо, на частную, а не публичную жизнь. Из публичного дискурса вытесняется все, что не соответствует частным и индивидуальным потребностям и интересам. Сущность общества и «тирании» интимности, конца публичной культуры, разрушения баланса между публичной и частной сферами жизни в эпоху позднего Модерна раскрывает Р. Сеннет [8].

Еще одно следствие размывания национальной модели гражданства в условиях глобализации и под воздействием систем мобильностей – возникновение новых форм неравенства. Недаром раздел о социальных и политических следствиях действия совокупности мобильностей Дж. Урри называет «Врата рая и ада». Классическую модель национального гражданства, описанную Т.Х. Маршаллом, Дж. Урри характеризует как «гражданство покоя». В глобализирующемся обществе Дж. Урри насчитывает двенадцать режимов международных перемещений, типов коммуникации и мобильностей. Их совокупное действие аккумулируется и приводит к размыванию самой ткани социального, к ослаблению гражданского общества. Урри называет два крупных следствия этих процессов. Первое связано

с развитием новых видов гражданства и идентичности, которые подтачивают национальное гражданство и национальную идентичность. Это гражданство меньшинств, гражданство потребителей, гражданство мобильности (посетителей различных мести культур). Появляются новые идентичности гендерной и сексуальной ориентации, этнической и поколенческой принадлежности. Все это в концепции Урри носит название «гражданства потока» [9, с. 350]. Второе следствие – смена модели идентичности. Модель национальной идентичности уступает место универсальным моделям сообщества членов, связанных с де-территориализованным понятием универсальных прав личности. Это движение к постнациональному гражданству, примером может являться экологическое гражданство, связанное с гражданством Земли. Суть данного процесса состоит в отрыве прав личности от территории, во-первых, и от нации, во-вторых. В этом процессе можно найти и позитивные, и негативные следствия. К первым можно отнести универсализацию прав личности, ее независимость от конкретного государства. Однако ее автономия оборачивается беззащитностью перед глобальным порядком, невозможностью солидарных действий, интеграции с другими членами глобальной общности. Связи становятся технически, технологически и виртуально опосредованными, что обостряет для индивида множество экзистенциальных, этических и политических проблем.

Б.Г. Капустин считает, что любой режим гражданства является двуликим, а права гражданства оказываются орудиями «двойного назначения», поскольку права, с одной стороны, представляют собой «завоевания освободительной борьбы» и «средства и ресурсы защиты достигнутой меры свободы», но, с другой стороны, являются продуктами стратегии господствующих классов и служат «инструментами контроля над членами общества и надзора за ними» [2, с. 75–76]. В этих положениях также просматриваются две стороны гражданства: 1) пассивный статус, дающий «право на права» и 2) гражданство как активная практика освобождения, связанная с критическим отношением к власти и наличному политическому порядку, и как взаимодействие членов гражданского обще-

ства. Б.Г. Капустин прослеживает возможности и условия превращения «буржуа» в «гражданина», чтобы понять взаимосвязи между разными аспектами взаимоотношений между государством и гражданским обществом и выявить суть пассивных и активных прав гражданства. Он пишет: «Гражданина» отличает от «буржуа» именно готовность «добровольно действовать сообща для реализации общего интереса» [2, с. 131]. Рассмотрение исторических условий воспроизводства капиталистической демократии показывает, что превращение «буржуа» в «гражданин» есть политическая необходимость, но этого превращения может и не произойти, если отсутствуют институциональные и ментальные условия [2, с. 134]. «Политическому гражданству» должно соответствовать гражданское общество определенного качества – как набор социальных действий и практик, в которых действующие индивиды конституируются как субъекты. По мнению Б.Г. Капустина, «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности есть не постоянный структурный компонент современного общества (наряду с государством и рынком), а возникающая и исчезающая характеристика способа его деятельного самопреобразования» [2, с. 139]. В этой связи то, что различные виды мобильности оказывают разрушающее действие на гражданское общество в национальных масштабах, и пока не просматривается становление транснационального гражданского общества, – вызывает тревогу по отношению к перспективам развития гражданства и в пассивном, и, особенно, в его активном значении – как потенциала политического участия граждан. Однако, возможно, формирование новой космополитической модели гражданства еще не закончено.

1. Бауман З. Текущая современность [Текст] / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 224 с.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение [Текст] / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
4. Мартьянов В.С. В поисках парадигмы позднего Модерна. – Научный ежегодник Института философии и права

- УрО РАН. Вып. 10. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 135–148.
5. Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс [Текст]. – Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 145–223.
 6. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях. – Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. Вып. 22. – 2014. № 13 (184). – С. 245–251.
 7. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Дискурс-Пи. № 13 (2013). Дискурс мобильности. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2013. С. 19–25.
 8. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
 9. Урри Дж. Мобильности. [Текст] / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.
 10. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века. – Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 8. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 257–278.
 11. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст] / Пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Текст] / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo [Текст] / Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki; vvod. st. V.S. Malaxova; pril. T.X. Marshalla / per. s angl. Yu. Dergunova; pod nauch. red. A. Smirnova. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly ekonomiki, 2011. – 224 s.
3. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie [Текст] / per. s angl. S. Moiseeva; Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly e'konomiki, 2010. – 592 s.
4. Mart'yanov V.S. V poiskakh paradigmy pozdnego Moderna. – Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. Vyp. 10. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. S. 135–148.
5. Marshall T.X. Grazhdanstvo i social'nyj klass [Текст]. – Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo [Текст] / Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki; vvod. st. V.S. Malaxova; pril. T.X. Marshalla / per. s angl. Yu. Dergunova; pod nauch. red. A. Smirnova. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly e'konomiki, 2011. – S. 145–223.
6. Rusakova O.F. Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikaciayah. – Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. Vyp. 22. – 2014. № 13 (184). – S. 245–251.
7. Rusakova O.F. Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti // Diskurs-Pi. № 13 (2013). Diskurs mobil'nosti. – Ekaterinburg: Izd. dom «Diskurs-Pi», 2013. S. 19–25.
8. Sennet R. Padenie publicnogo cheloveka [Текст] / Per. s angl. O. Isaevoy, E. Rudnickoj, Vl. Sofronova, K. Chuxrukidze. – M.: Logos, 2002. – 424 s.
9. Urri Dzh. Mobil'nosti. [Текст] / Per. s angl. A. V. Lazareva, vstup. st. N. A. Xarlamova. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012. – 576 s.
10. Fan I.B. Grazhdanstvo i migraciya v politicheskix koncepciyax XX veka. – Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. Vyp. 8. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. S. 257–278.
11. Habermas Yu. Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoy teorii [Текст] / Per. s nem. Yu. S. Medvedeva pod red. D. V. Sklyadneva. – SPb.: Nauka, 2001. – 417 s.

УДК 316.4

DISCOURSE MOBILITY AND PROBLEMATIZATION OF THE MODEL OF NATIONAL CITIZENSHIP

Fan Irina Borisovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Science, Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

The article investigates the transformation of the national model of citizenship under the influence of globalization, strengthening of the role of different types of mobility and personalization characteristic of late modern society. The concept of mobility and the supporters of the discourse participants in the discussion on citizenship.

Key words:

discourse mobility model of national citizenship, nation, globalization, political participation.